

Российской империи

Пытаюсь представить себе лицо Елены Блаватской, а из памяти почему-то выплывают строки поэта-акмеиста: «И как в божнице у святых, Печально строг твой взор упорный. Но воинств преисподних сила Венец тяжелый, огневой Из тусклой лавы возложила Над этой гордой головой». Впрочем, Елена Петровна была некрасива. Если только верить фотографиям. Ведь живое лицо могло преобразиться одним мгновением вдохновения. И откуда шла эта завораживающая мощь — от небес или из темной преисподней? Многие ей не верили, а все же очаровывались. Один выдающийся англичанин писал: «Хотя время от времени мне отчаянно хочется сказать себе, что Вы — мошенница, все-таки, кажется, Вы лучшая среди них всех, и я люблю Вас больше всех». Юная авантюристка, нагло обманувшая пожилого чиновника Блаватского, сделавшая брак с ним на деле фиктивным, — все, что обрести свободу и убежать из родительского дома в большой мир. Грозозкая зрелая дама, вступающая в новые браки, утаив, что с венчанным мужем не разведена. Популярная писательница и властительница душ, исполненная мистической силы, и женщина, несчастная в материнстве: родила уродливого ребенка, монстра, рано умершего. Женщина, навсегда сломленная своей бедой. Кликуша, новое воплощение первой русской чревоушательницы малолетней Ирины Ивановой, вздернутой на дыбу в петровское время. И при этом — вещь подруга великих гималайских «махатм», подлинная духовидица, чудотворица, угадывающая и отдаленное будущее. Основательница Теософического общества, так много сделавшая для того, чтобы мир расстался с европоцентризмом, чтобы Запад очнулся и взгляделся в лицо униженной Индии.

Автор книги Александр Сенкевич попадает в адьярское поместье Блаватской и на берегах Бенгальского залива

видит свою героиню во сне: «...что из себя представляет эта необыкновенная женщина с внешностью капризной русской барыни, которая любила объедаться, как ведется издавна на Руси, тяжелой пищей: пирогами, студнями и квашеной капустой. Она курила без перерыва, как распаленная разговором суфражистка, папиросу за папиросой». Вос создается жизненный путь Блаватской, приключенческая канва ее удивительной жизни. Среди предков Елены Петровны были не только мекленбургские принцы, знатные гугеноты и русские князья-рюриковичи Долгорукие. Но и пресловутый выкрест, петровский вице-канцлер Шафиров, потомками которого к началу нынешнего века были две тысячи русских дворян. Очень странная и вся какая-то телепатическая семья, очень талантливая кровь, поразительная генетика. И русские сказки, услышанные в детстве от старой няни, истории о коврах-самолетах и оборотнях. И в детстве увиденный в казахской степи шаман-эпилептик. И юные впечатления от чудесной тифлисской жизни.

Елена Блаватская всесветно знамени-

та и почти обожествлена в Индии, на духовной родине. Но в земном отечестве на протяжении всех советских десятилетий это имя было нарицательным, им обозначались бездны мракобесия и трясины шарлатанства. Только несколько строк в Большой советской энциклопедии и в Философском словаре, только несколько ядовитых страниц в воспоминаниях великого кузена нашей волшебницы — Сергея Юльевича Витте (ребенком он присутствовал на домашних сеансах Елены Петровны, когда вызывались духи, и отказывался идти спать). Вот и все, что позволялось знать советским читателям. Вот к необъятной, существующей в разных странах литературе о Блаватской прибавилась эта новейшая книга. Ее особенность в том, что автор одновременно — российский литератор и профессиональный индолог.

К своей героине Александр Сенкевич испытывает любовь, смешанную с иронией: «Блаватская представляла эзотерический мир в категориях «Табели о рангах» Российской империи, и здесь чиновничья стихия взяла свое». В книге есть не только тонкие наблюдения (замечательно, например, сравнение Блаватской с Жюлем Верном, воспевшим в серии романов индийского принца Даккара — капитана Немо). Есть и подлинные открытия, потребовавшие работы в архивах. Скажем, история попыток вовлечь Елену Петровну в дело пропаганды сфабрикованных охранкой «Протоколов сионских мудрецов».

Всякого рода пиротехника, разнообразные фокусы-покусы присутствовали по необходимости, увы, и в деяниях самых истинных пророков. Все-таки Блаватская всю жизнь жила с мечтой о недоступной Шамбале. Верила ли сама провидица в свой неразрывный союз с потусторонними силами, с незримым миром?! «Я верю моим голосам!» — твердо отвечала Жанна д'Арк трибуналу Святейшей Инквизиции.

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

